

Этот луч, прямой и резкий, эта света полоса
заставляет меня плакать и смеяться два часа,
быть участником событий, пить, любить, идти на дно...
Жизнь моя — кинематограф, черно-белое кино!

Юрий Левитанский в своем знаменитом стихотворении словно пытался ответить на извечный вопрос: что такое кино?

Быть участником событий, пить, любить, идти на дно...

На советское кино не очень-то похоже. Неизбывный гуманизм и добрый юмор советского кинематографа пророс, «не ведая стыда», из военного неюта, послевоенного голода, казалось бы, всем смертям назло. Страна поднялась из разлухи, глядя на экран, где бегали Серафим Иванович Огурцов, порхала Леночка Крылова и вздыхал от безнадежной к ней любви Гриша Кольцов. Это были такие, как и зритель в зале, простые люди, только немножечко, что ли, лучше. Моральный кодекс строителя коммунизма превратил советского человека в завязатого идеалиста. Но идеалисты и романтики 50–60-х подняли страну с колен.

А Ратмир Лутфуллин — это уже другое поколение. Черно-белая эпоха. Что-то в его киноновеллах от германовского арт-хауса или ныне позабытых шедевров Ларисы Шепитько, когда сюжет развивается неспешно, словно бы сам по себе.

Разговоры о том, что молодые режиссеры утратили связь с прошлым, — досужие. Не утратили, мы просто разучились смотреть кино. Неспешно, внимательно, вдумчиво, как разворачивается сюжет в картине Ратмира Лутфуллина «Рождественская история».

Молодой, но уже заявивший о себе в фестивальной среде режиссер намеренно сторонится красотей, как Пазолини. Ничто, а сюжет фильма «Рождественская история» разворачивается в Питере, не должно отвлекать от главного. Вспомним фильм «Мама Рома», где ни одного римского пейзажа. Только человек и его история жизни. Сосредоточенность Евангелия.

Обычно таким приемом пользуются люди философского склада, решившие запечатлеть время. Хотя, по Шестову, «философы всегда считали время своим врагом, и мечта всех метафизиков — преодолеть время, в котором, как и в материи, принято видеть источник зла. Время пожирает

собственных детей, — учат нас, — от него пошло непостоянство...».

Но что более всего постоянной, нежели Рождество?

Рождество. Святочная история... вне времени. Сюжет отсылает нас к святочному рассказу. В свое время, а именно в XIX веке, святочные рассказы, публиковавшиеся на страницах журналов и газет, были очень популярны. Очень разные: добрые и трогательные, фантастические и иронические, печальные и даже скорбные, назидательные и сентиментальные, они всегда пытались умягчить людские сердца. При всем разнообразии сюжетов в тексте сохранялось главное — особое, рождественское мировосприятие. Истории эти были все очень простые и порой стандартные, воплощая собой мечты о доброй и радостной жизни, о щедрых и бескорыстных душах, о милосердном отношении друг к другу, о победе добра над злом. И картина Ратмира почти святочная. Почти...

Итак, Рождество, за кадром плач младенца. Камера выхватывает лицо обыкновенного, рядового человека, он бреется, собирается на службу в церковь... А в параллельном мире живут трое подростков, которые тоже пробуют по-своему ответить на вопрос, что такое Рождество. Отцы и дети, отделенные друг от друга эпохой, пространством и временем.

Вечностью?

Дети играют по своим, жестким, правилам: спиртное, девочки, игровая приставка, дорогая машина.

— *Ехать надо, по дороге мадам искать будем!*

Равноудаленные друг от друга, но параллельные миры пересекаются в ночном Питере, под органные фуги Баха, на проспекте, по обочине которого идет со службы пожилой мужчина...

Молодой режиссер выходит за рамки жанра, оставаясь в рамках извечного мифа и сюжета. Итак: отцы и дети. Или: отец и сын?

Оказывается, совсем незнакомые друг другу люди, случайно столкнувшись в машине, летящей

по ночному Питеру, словно пуля навывлет, не чужие. Но ни отец, ни сын не знают об этом.

— *Ты теперь, отец, с нами!.. Это папаша другой...*

Так, наверное, может и должно было произойти в рождественскую ночь. Сошлись два человека с одинаковой фамилией: Костылев.

Но их пути снова расходятся, старик идет домой, молодой Костылев «оттопыривается», но сквозь наркотический угар и кислотную мусть сын вдруг понимает, что обрел человека, который некогда дал ему жизнь. Но отец ли он ему или кто, что?

Пьяный сын летит по ночному городу с документами и застывшим в устах вопросом.

Возвращение блудного сына?

Да, наверное, святочная история должна была закольцована следующим образом: нечаянная встреча, радость, хеппи-энд, все счастливы, и человеческой драмы вроде бы и нет, но что если она кровотоцит...

— *Быстро ты нашел меня, а я даже не знаю, как и отблагодарить тебя? Я даже не знаю, как звать тебя? Алексей Николаевич Кос...*

— *Вот и встретились!*

Стучит вода в рукомойнике, словно отсчитывая неумолимый ход времени. Разрезанная кожура апельсина — как яркая вспышка рухнувшей надежды. Покуда молодой Костылев режет кожуру апельсина, а пожилой, впад в протрацию, не может избавиться от наваждения, мы сохраняем надежду на счастливый исход. Режиссер держит мхатовскую паузу...

Отец, встретив сына, не узнает его. Вернее, не признает. Время ушло. Два человека с одной фамилией, но отец ли это и сын?

Великолепная, тонкая актерская игра пожилого актера — вот финал короткометражной святочной истории. Лицо человека как картина мира.

И опять Шестов: «Время пожирает собственных детей, от него пошло непостоянство, изменчивость, неустойчивость, от него же и гибель...»

А Рождество? А как же миф, чудесная сказка? Автор не верит в сказку? Но как же? Ведь какой ни есть, а сын обрел отца?

Мне кажется, что и Ратмиру жалко маленького человека, Акакия Акакиевича. Но он словно специально гладит зрителя против шерсти. Голливудский хеппи-энд не для него. Цитата из фильма «Один дома» — лишь промельк или намек на то, что он выбрал другую дорогу. Но и связь со временем не утратил. В его неторопливой манере рассказа — отзвук кинематографа большого стиля.

Так ведь не было готовых ответов и у Ларисы Шепитько, и у Германа.

Советский кинематограф почти всегда, особенно когда речь идет о драме, перекладывал ответственность на зрителя. Не отступает от этой традиции и Ратмир Лутфуллин, на все эти проклятые вопросы предлагая ответить нам. И зритель, привыкший к тому, что кино — это голливудская жвачка, в недоумении. Как же так? Почему так?

А разве Пазолини не жалко маму Рому? Ну тогда почему он убивает ее сына? Почему рождественская история не может стать святочной?

Жизнь моя — кинематограф, черно-белое кино...

Как-то Юрий Визбор написал о своих впечатлениях о кино: «Когда оканчивается работа над картиной и ты смотришь на экране на себя, уже вплетенного в ткань фильма, соединенного с музыкой и пейзажами, с работой других актеров, внесенного как элемент в ритм картины, часто и невольно возникает мысль о том, что тебя обманули, что не стоило тебе ввязываться в это скучноватое дело. Ты понимаешь, что время твоей жизни потрачено зря, что ты просто стал орудием, при помощи которого еще раз доказано, что те или иные люди, высоко именующие себя художниками, просто выбрали не ту профессию в жизни». Ратмир Лутфуллин не хочет обманывать зрителя.

Разве этого мало?